

УДК 39

DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-180-199

Фольклорное наследие с. Серегово в коллекции Национального музея Республики Коми

Юлия А. Крашенинникова

*Коми научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар,
Республика Коми, Россия, krashennikova@rambler.ru*

Аннотация. Целью работы является презентация коллекции фольклорно-этнографических записей, сделанных в 1935–1936 гг. от русского населения села Серегово (Княжпогостский район Республики Коми). Появление этого населенного пункта связано с организацией в конце XVI в. на реке Вымь соляного промысла и притоком на эту территорию переселенцев из разных местностей России. Материалы рассматриваются по жанровому признаку; отмечены некоторые черты поэтики, функционирования и бытового назначения фольклорных произведений. Сопоставление текстов с записями из локальных традиций Русского Севера показывает близость (стилевую, функциональную) местных материалов к севернорусским. С другой стороны, названия ландшафтных объектов, прозвища жителей, реализация тем, связанных с соляным месторождением и солеваренным промыслом, свидетельствуют о местном происхождении представляемых в работе текстов, некоторые из них публикуются. Проведено сопоставление архивных записей с экспедиционными материалами 2014 г., зафиксированными сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ. На отдельных примерах показано, что фольклорно-этнографические материалы 1930-х гг. могут использоваться для уточнения местного репертуара, анализа состояния локальной традиции конца XIX – первой трети XX в., оценки ее динамики.

Ключевые слова: рукописные фольклорно-этнографические записи, русские локальные традиции, Республика Коми, 1930-е гг., описание, систематизация

Для цитирования: Крашенинникова Ю.А. Фольклорное наследие с. Серегово в коллекции Национального музея Республики Коми // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 2 (2). С. 180–199. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-180-199

Folklore heritage of the village Seregovo in the collection of the National Museum of the Komi Republic

Yulia A. Krasheninnikova

*Komi Research Centre of the Ural branch of the RAS, Syktyvkar,
Komi Republic, Russia, krasheninnikova@rambler.ru*

Abstract. The paper presents a collection of folklore and ethnographic transcripts of the Russians of Seregovo village (Knyazhpogostsky Region, Komi Republic), dating from 1935–1936. The village was founded in the end of the 16th century when salt-works was started by the river Vym, as migrants from various parts of Russia moved there. The data is dwelled upon according to genres, some features of poetics, functioning and everyday pragmatics of the texts are noted. Comparing these texts to those from North Russian local traditions shows some stylistic and functional congeniality between them. On the other hand, toponymics, nicknames and themes pointing to the salt mines and salt-works indicate local genesis of the presented texts, some of which are published. Archive texts are compared to field materials from 2014, recorded by the staff of the Folklore Section of the Institute of Linguistics, Literature and History. Certain samples exemplify that folklore and ethnographic materials dating from the 1930s may be implemented to detail local repertoire and to analyse the status and dynamics of local tradition from the end of the 19th century till the 1930s.

Keywords: handwritten folklore and ethnographic transcripts, Russian local traditions, Komi Republic, 1930s, description, systematization

For citation: Krasheninnikova Yu.A. Folklore heritage of the village Seregovo in the collection of the National Museum of the Komi Republic. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019; 2 (2): 180-199. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-180-199

В фондах Национального музея Республики Коми хранится коллекция рукописных фольклорных материалов, записанных в период 1910–1930-х гг. преимущественно от коми (зырян и пермяков), в меньшей степени от русского населения, проживающего на территории Республики Коми и Коми-Пермяцкого авто-

номного округа. Записи фиксировались в ходе собирательской работы краеведами-любителями, корреспондентами Общества изучения Коми края, местными жителями, а также во время учебных практик студентами Коми государственного педагогического института (бывший Педтехникум повышенного типа).

Полагаем, что это первое в республике рукописное собрание разножанровых фольклорных материалов, характеризующих материальную и духовную жизнь народа коми в ее региональной специфике, записанных местными собирателями (специалистами, энтузиастами). Нами написана отдельная работа, посвященная особенностям формирования и хранения коллекции, сложностям, связанным с ее обработкой и описанием, востребованности коллекции исследовательской аудиторией, тематике опубликованных материалов, к которой и отсылаем наших читателей [Крашенинникова 2016].

В центре внимания собирателей тех лет была традиционная культура и фольклор народа коми. Тем ценнее оказываются материалы, записанные в компактных русских локальных традициях республики. Эти традиции формировались русскими переселенцами из северных, северо-восточных и центральных губерний России в условиях довольно тесного окружения коми населением и контактов с ним. Переселение русских происходило в силу различных социально-экономических, религиозных причин XVI–XIX вв., в частности, в связи с зарождением и развитием промышленности (солеваренное, чугунолитейное производство), освоением северных территорий, конфессиональными процессами и др. Это локальные традиции сел Усть-Цильма (Усть-Цилемский р-н), Лойма (Прилузский р-н), Серегово (Княжпогостский р-н), поселков Нювчим (Сыктывдинский р-н), Кажым и Нючпас (Койгородский р-н), об этом подробнее [Власов, Канева 2006: 24–25; Бандура, Крашенинникова 2011] и др. Экспедиционные обследования большинства русских традиций начаты в конце XX – начале XXI вв., исключение составляет усть-цилемская фольклорная традиция, попавшая в поле зрения исследователей в конце XIX в. благодаря открытию на Печоре эпоса.

Полноценная коллекция фольклорных материалов была записана шестью собирателями (Е. Башлыковой, В. Цивилевой, А. Швецовой, Кондыревой, А. Н. Шергиным, Немчиновой) предположительно в 1935–1936 гг. в с. Серегово и д. Часадор, по современному административному делению относящихся к Сереговской администрации Княжпогостского района Республики Коми¹.

¹ Материалы содержатся в двух делах, хранящихся в Национальном музее РК: КП 12484. Л. 158–170 об. Зап. Е. Башлыкова 19.04.1935 г.

Сложение состава местного населения обусловлено появлением в конце XVI в. на реке Вымь соляного промысла и притоком на эту территорию выходцев из разных местностей [Власов, Канева 2006: 26]².

В Сереговской коллекции представлена сказочная и несказочная проза, тексты свадебной лирики, частушки, заговорно-заклинательная поэзия, детский и материнский фольклор, загадки, пословицы, поговорки, приметы, предписания, прозвищный фольклор. Особенности поэтики, функционирования и бытового назначения многих фольклорных произведений указывают на близость к записям из локальных традиций Русского Севера, а более детальное сопоставление местных материалов, в частности, с севернорусскими, дает довольно много текстологических «пересечений». С другой стороны, такие маркеры, как названия ландшафтных объектов, прозвища жителей, указания на соляной промысел и др., встречающиеся в архивных материалах, указывают на местное происхождение этих текстов³.

в с. Серегово; КП 12484. Л. 112–142 об. Зап. В.И. Цивилева в с. Серегово; КП 12481. Л. 64–76. Зап. Немчинова в с. Серегово; КП 12481. Л. 152–179. Зап. А.Н. Шергин в с. Серегово; КП 12481. Л. 529, 626–631. Зап. А. Швецова в д. Часадор Сереговского с/с; КП 12481. Л. 540–542, 549–554. Зап. Кондырева 14–15.06.1935 г. в с. Серегово. Цитированные в работе тексты приводятся с соблюдением орфографии оригиналов, пунктуация наша.

² Также в музейной коллекции мы обнаружили небольшой корпус текстов, записанных предположительно в с. Лойма Прилузского района республики. Мы атрибутируем эту коллекцию как лоемскую по нескольким показателям: наличие текста свадебной величальной песни «Спо болоту, спо болоту, спо за кустичку ходит голубь, ходит голубь со голубушкою...», зафиксированной и в современных записях, сделанных в Лойме (см.: Отчеты о полевых исследованиях фольклорно-этнографических экспедиций в Прилузском районе Республики Коми в 2004, 2010 гг. (НА Коми НЦ УрО РАН: Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. Л. 27, 133; Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 78); тексты записывались Н. Лобановой от информанта Шехонина – обе фамилии имеют довольно широкое распространение на лоемской территории).

³ Сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ в 2014 г. было предпринято обследование фольклорной культуры с. Серегово с целью фиксации современных материалов и сопоставления их с записями 1930-х гг., отчет об экспедиции см.: Крашенинникова Ю.А., Низовцева С.Г., Шахматская П.А. (2016) Отчет о полевых исследованиях фольклорной экспедиции в Княжпогостском районе Республики Коми в 2014 году (НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 843. 176 л.).

Суеверная проза представлена традиционными сюжетами демонологических (суеверных) рассказов о колдунах, о проклятых местах, о демонологических персонажах, контактирующих с человеком. В рукописях эти тексты называются «случаями или легендами из жизни с. Серегово» (НМ РК. КП 12484. Л. 113 и др.): сюжеты о нищем с Мезени, «посадившем» кикимору в печь сереговской хозяйки по прозвищу Питирикова за отказ его накормить, о колдунье – «вешщице», превратившейся в рождественский сочельник в сороку и воровавшей серебряные монеты⁴. Любопытное предание о нечистом месте близ с. Серегово:

В шерсти верстах от Серегово по тракту в Усть-вымь свалена лиственница. Она свалена уже очень давно, несколько десятков лет. Около нее есть яма. Около этой ямы и лиственницы временами пугает (кажется). Вот один такой случай, который произошел в глазах нескольких сереговских женщин. В один день трое женщин пошли за коровами в лес. Идя по дороге на шестой версте, как раз около лиственницы, они увидели всадника на белой красивой лошади. Он был одет почти весь в золото. Всадник на лошади скакал поперек⁵ дороги, сильно размахивая ногами, как будто желал снять сапоги. Он что-то кричал. Женщины испугались и вернулись домой без коров. Когда они вернулись, т. е. пошли домой, всадник вскричал в зад им: «Прощай, Москва, золотые маковки». Когда женщины пришли домой и рассказали про это старикам, то старики стали их ругать, говоря: «Эх вы, дикие, ведь надо было снять сапоги с этого всадника и бросить в яму, тогда бы на том месте вместо леса стала Москва с золотыми маковками». Эту лиственницу считают волшебной, т. к. она лежит там очень давно и не гниет. И никто не смеет

⁴ Сюжеты о колдуньях-вещицах довольно популярны в местной традиции, это подтверждается и современными экспедиционными записями. Так, во время экспедиционного обследования населенных пунктов Сереговской администрации нами записан корпус текстов о вещицах (мотивы превращения в птицу, животное, колесо; умение летать – залетать в дом и вылетать из него через печную трубу, умение насыпать порчу на человека или животное, мотив порчи скота – колдунья «забирает» молоко у коров; вещица становится безопасной и не может нанести вред, когда у нее выпадает последний зуб; если ударить превратившуюся в кого-либо вещицу, то на следующий день ее можно обнаружить по синякам, увечьям и др.) (зап. Ю.А. Крашенинникова в 2014 г. от уроженцев с. Серегово: К.В. Никитенко, 1931 г.р., М.И. Васильевой, 1947 г. р., А.И. Лещиковой, 1940 г. р., А.Д. Мандрыкина, 1921 г. р., В.И. Лещикова, 1936 г. р.).

⁵ Испр., в ркп. «по перер».

взять её на дрова, а так же не смеет садиться на неё (НМ РК. КП 12484. Л. 140–141 об.)⁶.

Со свадебной тематикой связаны сюжет о споре на свадьбе трех колдунов (Ивана Шурового, Ивана Колесова, Ивана Морохова) и сюжет об испорченной на свадьбе невесте, в котором упоминаются, как предполагаем, конкретные жители с. Серегово – молодожены Иван Данилович и Серафима Степановна, усть-вымский лекарь Бречалов и сереговский колдун Мамин.

Зафиксировано три сказки о животных, одна новеллистическая и одна волшебная сказка: «Петушок и курочка» (НМ РК. КП 12484. Л. 168–170 об. СУС 2021А=АА*241 I, 2032 «Смерть петушка»), «Волк и лисица» (НМ РК. КП 12484. Л. 130–131 об. СУС 43* «Лубяная и ледяная хата» («лиса-воровка»), СУС 15 «Лиса-повитуха»), «Заяц» (НМ РК. КП 12481. Л. 168–169), «О попе и его работнике Иване» (НМ РК. КП 12481. Л. 164–167. СУС 1009 «Сторожи дверь хорошенько», СУС 1132 «Бегство от работника» (от дурака), СУС 1120 «Хозяйка (поп) сброшена в воду вместо работника»), «Еленушка и братец» (НМ РК. КП 12484. Л. 132–133 об. СУС 450 «Братец и сестрица»).

Из лирических жанров представлены тексты обрядовой (свадебной) лирики и частушки. На свадьбе исполнялись величальные

⁶ В 2014 г. при сплошном обследовании населенных пунктов Княжпогостского района Республики Коми (с. Серегово, пос. Ляли, д. Часадор, д. Кошки) из образцов несказочной прозы были записаны суеверные рассказы о колдунах и колдуньях-вещицах (целый спектр мотивов: особые способности, соперничество двух колдунов, трудная смерть колдуна и передача знания, наказание колдуна за колдовство, насылание порчи и ее лечение, способность колдуний-вещиц превращаться в животных и птиц и проч.; предлагаются варианты народной интерпретации номинации «вещица»), устные рассказы, в которых содержатся представления о сглазе; топонимические предания и легенды (предания о появлении населенных пунктов Серегово, Ляли, Кошки и первопоселенцах; в текстах название поселка Серегово связывают с открытием солеваренного промысла (купец Серегов или братья Серегини образовали промысел; приехавший первым на эти места человек по имени Сергей открыл соляные залежи, организовал промысел и стал первым его владельцем), легенды об обетных крестах с. Серегово, четырех лиственницах, выросших около церкви в с. Серегово, предание о схватке сереговцев и соловецких монахов за владение солеваренным заводом, легенды с христианской тематикой (например, о царевне Ираиде и Иоанне Крестителе). Из устной прозы также зафиксированы рассказы о людях, заблудившихся в лесу, в связи с этим записаны различные прескрипции, запреты и предписания и проч.).

песни «За двором да за дворянским...» (опевают жениха и невесту на вечеринке), «Полоса ли моя, полосынька, да полоса ли моя непаханая...» (пелась гостье-вдове), «За тыну ли я...» (замужней женщине), «Каты-покаты женихи наши богаты...» (парню-подростку).

В коллекции представлено 185 частушек (любовные, рекрутские, свадебные и др.). Географические реалии, зафиксированные во многих текстах («сереговская гора», «сереговская труба», «кошкина гора»⁷), указывают на «местное» их происхождение:

Как по Кошечкой горе
Полотенце тянется.
Не ходил бы [в] тот в конец
Да одна девчонка нравится (НМ РК. КП 12481. Л. 630).

Унеси, леший, на Вычегду
Сереговский завод.
На сереговском заводе
Весь измучился народ (НМ РК. КП 12484. Л. 162).

Эх ты, милая моя,
Как тебе не стыдно,
Через твой горбатый нос
Серёгово не видно (НМ РК. КП 12484. Л. 121 об.).

Как Серёговска гора
Чем она украшена?
Ёлками, берёзками
Да девками молодками (НМ РК. КП 12481. Л. 176).

Как Серёговский курорт⁸,
Чем он всем понравился?
Местом случки служит он,
Вот чем он понравился (НМ РК. КП 12481. Л. 176) и др.

В частушках упоминаются имена и прозвища местных жителей (например: «Девки в лодочке катаются // Под лодочкой вода, // Белы юбочки смочили // Перевозчику беда, // Перевозчик молодой // Саша Лещиков баской» (НМ РК. КП 12484. Л. 121); «Гидор

⁷ Местное название возвышенности, расположенной рядом с деревней Кошки Сереговского с/с.

⁸ Благодаря наличию соляных и минеральных источников в с. Серёгово в 1929 г. был открыт бальнеологический санаторий «Серёгово».

баню продаёт, // Гидориха не даёт, // Гидорёночки пищат, // Под угор баню тащат...» (НМ РК. КП 12484. Л. 121 и др.)), представителей местной власти («Никого мы не боимся: // Кулака, предателя. // Только, только мы боимся // Ваньку председателя...» (НМ РК. КП 12484. Л. 164), сатирические характеристики священнослужителей:

На горе стоит монах,
Молится он богу.
Ему трактор наш вчера
Пересёк дорогу (НМ РК. КП 12481. Л. 69).

По Серегову идем,
Воробушки чирикают,
А у нашего попа
От страха зубы чикают (НМ РК. КП 12481. Л. 174).

На горе стоит монах,
Молится лениво,
Ищет вшей в своих штанах
И кладет в кадило (НМ РК. КП 12481. Л. 174).

Особенности местного быта, соляного промысла, топографические реалии закрепились в некоторых метеорологических приметах. Считалось, что в соляном амбаре лопата, которой убирают соль, становится сырой перед дождем; сухая соль отсыревает также перед дождем (НМ РК. КП 12481. Л. 159). Весной по началу движения воды в Богадильском ручье судили о таянии льда на реке Вымь: «У нас есть ручей под названием багадильский, когда он весной начинает бежать, то после 12 дней идёт лёд по Выми» (НМ РК. КП 12481. Л. 157)⁹.

⁹ Ср. с современными материалами, записанными в с. Серегово в 2014 г.: «[Ручей Шыдма или Шыдьма? Как правильно?] Шыдма. Из окна моего видно, с кухни. Это типа гора, и через нее течет ручей. Ну, называют по-разному его, кто как. [Как?] Богадильня. А на самом-то деле Богодильня. И это Богадильский ручей. А название-то он получил, потому что стояла, ну, типа церквушки, куда ходили [жители], церкви-то большой не было вначале, Богу молились» (Зап. С.Г. Низовцева, 11.06.2014 в с. Серегово от Е.С. Макарова 1931 г. р., ур. с. Серегово). «М[естечко] Шыдас – [там располагалось] заведение для малоимущих, (трактир) – приют, заведение, столовая, привечали бедных. <...> Примета местная: как Шыдма пошла, через 10–12 дней Вымь идет (открывается река)» (РФ. Полевой дневник С.Г. Низовцевой, л. 24. Зап. С.Г. Низовцева,

Календарный фольклор представлен, в частности, текстом рождественской песни «Хозяина звали во пир пировати, во стол столовати...», которую пели после того, «как прославят Рождество»:

Хозяина звали, хозяина звали
 Во пир пировати, во стол столовати.
 Хозяюшку дарили, хозяюшку дарили
 Да кунней шубой, да кунней шубой,
 Да под атласом да под зелёным.
 Сыновей его дарили, сыновей его дарили
 Да по добру коню да по вороному.
 Дочерей его звали, дочерей его звали
 Да на свят вечер, да на свят вечер.
 Дочерей его дарили да по веночку,
 Да по златому.
 А нам христословцам, а нам христословцам,
 Не рубль, не полтина,
 Не рубль, не полтина,
 Одна злата гривна
 Да блюдо шанег,
 На шаньге-то козулька,
 На козульке – рогулька,
 На рогульке – виночарка,
 На виночарке-то – берёзовая палка.
 Эх! Открывайте сундучки
 Да вынимайте пяточки,
 Ясны звёздочки, малы деточки (НМ РК. КП 12484.
 Л. 135–135 об. Зап. В.И. Цивилева от бабушки, 76 лет,
 ур. с. Серегово).

Зафиксировано несколько рождественских гаданий, которые сопровождалась лаконичными приговорами. Например, в одном из них участвовало нечетное количество девушек, одна из которых набирала кадку снега и приговаривала: «полю, полю снег на собачий след, где собачка з[а]ляет, там мой суженый живет» (НМ

08.06.2014 г. в с. Серегово от Н.Н. Езовских, 1944 г. р., ур. с. Серегово). В одном из интервью встречается любопытная интерпретация названия Шыдма: «Шыдма <...> в переводе с коми на русский – гостиница-столовая. Когда церквушка стояла, там ночевали зыряне из Кошек, Ыба [названия деревень. – Ю. К.]. Как гостиный двор. Может быть, столовая, я точно уже не знаю» (Зап. С.Г. Низовцева, Ю.А. Крашенинникова 11.06.2014 г. в с. Серегово от Е.С. Макарова 1931 г. р., ур. с. Серегово). С коми шыдма буквально можно перевести как ‘медовый суп’ (от шыд – суп, ма – мед).

РК. КП 12481. Л. 627). Другое гадание происходило на Крещение у проруби: «напишешь на бумажке имена у кавалеров и положишь [в] карман. Когда поп кончает свою молитву читать, ис¹⁰ кармана выбрасываешь [все бумажки. – Ю. К.] и оставляешь одну. Кое имя останется, за того и выйдешь замуж» (НМ РК. КП 12481. Л. 627). При гадании на перекрестке дорог гадающие чертили круг и, зайдя внутрь круга, говорили: «Все черти к нам и чертихи к нам во круг круга сходите, а в круг не заходите» (НМ РК. КП 12484. Л. 128; вар.: «круг круга ходи, в круг не заходи» – НМ РК. КП 12481. Л. 153).

Заговорно-заклинательная поэзия представлена детскими (на здоровый сон, от сглаза, банными), лечебными, свадебными, скотоводческими (от порчи и при вводе нового животного в хлев, для яйценоскости кур и др.), сельскохозяйственными, окказиональными заговорами, приговорами, присушками, приговорами домовому, приговорами при переходе в новый дом и др.

Детские заговоры и приговоры направлены на здоровье ребенка, здоровый сон, защиту от сглаза; большинство зафиксированных текстов произносилось в бане, например:

Моют в бане ребенка, и чтобы он был здоров и не урочился, ему приговаривают: Банюшка, парушка, Соломония бабушка, мыла да парила, на резвые ноженьки поставила, банюшке на стоенье, милому диточке на здоровье; Бабушка дает, мамушка берет на сон да на угомон, да на доброе здоровье; Будь счастлив, будь здоров, будь талантлив (НМ РК. КП 12484. Л. 127–127 об.).

Бабушка дает, матушка берет, на сон да на угомон, да на доброе здоровье (Там же).

Когда ребенка начинают окатывать водой, то берут его на левую руку, а правой три раза плещут водой и говорят: «С гуся вода, с лебедя вода, с нашего Ванюшки вся худоба» (НМ РК. КП 12481. Л. 540; вар.: НМ РК. КП 12481. Л. 626).

Процесс правки рук и ног у ребенка также происходил в бане и сопровождался приговорами. Объединяющей для всех имеющихся текстов является формула «ручки да ножки, брат да сестричка», которая в некоторых записях представляет собой весь текст, в других текстах соединяется с формулами «наказание за порчу» («кто урочит, тому чирей в глаз»), «передача боли животному»:

Ручки да ножки, брат и сестричка, уроки, призоры на темные леса, завидящему чирей за щеку и т. д. (НМ РК. КП 12484. Л. 128 об.).

¹⁰ Так в рукописи.

У вороны боли, // У сороки боли, // А у Милечки заживи. // Ручки да ножки, // Брат да сестричка, // Кто урочит, тому чирей в глаз (НМ РК. КП 12484. Л. 168).

Молочный зуб после выпадения кидали в голбец или за печь с приговором: «Мышка, мышка, на тебе репной, дай мне костяной» (НМ РК. КП 12484. Л. 128; вар.: НМ РК. КП 12481. Л. 540), «Мышка, мышка, на тебе зуб мясной, торокану молочный, а мне костяной» (НМ РК. КП 12481. Л. 626).

Для удаления бородавок завязывали на нитке узелки по количеству бородавок и бросали нитку в печь со словами: «Как ты истлеешь, так и бородавок не будет» (НМ РК. КП 12481. Л. 65).

Заговаривались от порчи: «Сси, сери на свои шары, а на мои не[т]», при этом плевали три раза (НМ РК. КП 12481. Л. 67). Для предупреждения порчи ребенку клали за уши соль; также чтобы леший не унес ребенка, в люльку клали кусок ржаного хлеба.

Для роста волос приговаривали: «Расти коса до пят // Жених-те нороят» (НМ РК. КП 12481. Л. 540).

Записаны скотоводческие приговоры. При вводе нового животного в хлев обращались к домовому «Дедушко-соседушко, пусти ночевать, ночь ночевать да век провековать» (НМ РК. КП 12481. Л. 626; вар.: НМ РК. КП 12481. Л. 540). Чтобы овца возвращалась с пастбища домой, обладала хорошей шерстью (была «домовита и шерстна»), при стрижке обтирали овцу клоком ее шерсти и приговаривали: «Будь шерстна, будь гладка, сама трет-тя скачи в огород» (НМ РК. КП 12484. Л. 127). У коровы из-под левого копыта брали землю с приговором: «Ходи по лугам, ходи по межам, ешь траву, пей ключеву воду, будь ставовита да будь домовита», чтобы животное приходило домой с пастбища (НМ РК. КП 12484. Л. 127 об.). От порчи корову окуривали и приговаривали: «От уроков курю, от призоров курю, завидящему чирей за щеку, кто изурочит, тому в один глаз соль, в другой песок, зола в задницу, чтобы день и ночь золила» (НМ РК. КП 12484. Л. 127). Для обеспечения хорошей яйценоскости курицы первым снесенным яйцом терли голову ребенка с приговором: «Сколько волосочков, столько и яиц» (НМ РК. КП 12484. Л. 128 об.).

Собиратели фиксировали предписания, которые необходимо было выполнять при уходе за домашними животными: на пастбище корову нужно выгонять сырой вицей, в противном случае (если вица сухая) корова похудеет («высохнет»); запрещали брать эту вицу из хлева во время поиска пропавшего животного, поскольку животное не найдется. Зафиксирован запрет говорить слова «птруте мошки, птруте», когда идешь за коровой, иначе ее уведет нечистый дух и др.

Любовная магия представлена в предписаниях и запретах. Чтобы присушить молодого человека, девушка должна была положить на порог прялку так, чтобы он, не заметив, перешагнул ее. Существовал ряд запретов для девушек: не пить воду «из одной посуды» после молодого человека, за которого не собираешься выходить замуж; не сидеть на пороге, иначе замуж долго не выйдешь; не катать вечером белье – в противном случае жених отменит сватовство.

При встрече молодоженов, приехавших после венчания, произносили короткие приговоры-благопожелания: «Будьте богаты, хлебны и шерстны. Совет да любовь на сто годов», при этом посыпали их «пером, зерном и мехом» (НМ РК. КП 12484. Л. 127 об.–128).

Записаны сельскохозяйственные приговоры, которые произносились в первый день сенокосных («Мати Богородица, спаси нас, пособи нам», НМ РК. КП 12481. Л. 626), посевных работ («Уроди, Господи, на нас грешных, на пищих¹¹, на нищих и всех христиан», НМ РК. КП 12484. Л. 128); в последний день жатвы на поле оставляли немного ячменя – «Николаю угоднику на бороду» (НМ РК. КП 12481. Л. 529).

Зафиксировано довольно много предписаний, запретов, прескрипций: для избавления от клопов собрать несколько этих насекомых и положить попу в карман; пол надо всегда мести от входной двери к печи, чтобы добро не вымести; если что-то зашиваешь на себе, то нужно обязательно взять что-нибудь в зубы, чтобы «не пришить самого себя к делу»; перед домом нельзя сажать березу – хозяин дома умрет в молодости; молодого и живого зайца нельзя приносить домой, поскольку он может разорить хозяйство. Найденную подкову нужно приколотить к порогу на крыльце так, чтобы она головой глядела в дом («чтобы дом богател»). Нельзя надевать на голову решето – не вырастешь. Для хорошего роста волос и отсутствия веснушек нужно весной умыться водой с первого дождя, нельзя стричь волосы после захода солнца. При отходе ко сну приговаривают: «Господи, благослови, Христос, около нашего дома железный тын» (НМ РК. КП 12481. Л. 627). Если заблудился («украли дорогу»), нужно сказать: «В зубы кремь, камень в рот», после этого взять кремь в зубы, камень в рот и в таком положении искать дорогу (НМ РК. КП 12481. Л. 153).

Из жанров детского фольклора в рукописной коллекции представлены тексты материнской поэзии (колыбельные песни, песенки, потешки), прибаутки, детские песни, заклички, детский

¹¹ По всей видимости, *сытых*, т. е. тех, у кого есть пища.

игровой фольклор – считалки, сечки, молчанки. Приведем некоторые примеры:

пестушки: Фур-фур-фур, // Полетели, полетели, // На головушку сели, // Золотое яичко снесли (НМ РК. КП 12484. Л. 167). Уточки плавали, плавали, плавали. // На голову сели. Фур-р! Полетели! // Папе сажень! Маме сажень! // Милому мальчику ручки да ножки (НМ РК. КП 12481. Л. 541).

потешка: Сорока, сорока, кашу варила // На порог скакала, гостей поджидала. // Не идут ли гости, не несут ли кашки? // Этому дала на ложку, этому на плошку, // Этому на чашку, этому весь горшок. // Бедный палец (большой) толкет, мелет. // Щи, кашу варит, воду носит. // Здесь тепленько, здесь горяченько. // Ключики, ключики!!! (ребёнка щекочат) (НМ РК. КП 12481. Л. 541) и др.

В числе колыбельных приведен текст песни «Уточка моховая»¹², которая, по наблюдениям исследователей детского фольклора, бытует как в детском фольклоре в качестве масленичной, прибаутки, детской песни, так и в репертуаре взрослых («Уточка полевая») в качестве масленичной, хороводной и плясовой [Новицкая, Райкова 2002: 478].

Из жанров детского игрового фольклора записаны считалки, сечки, молчанки, заклички, прибаутки. Например:

считалки: Ягодка-малинка, // Сахар-от медок, // Пойди, выйди, // Сам королёк (НМ РК. КП 12481. Л. 542); Анка-дранка дри бедру // Фибер, фабер, фибер-фу, // Ан, дран, литерстан, // Эта фита канифан (Там же); Между нами, шалунами, // Есть один большой шалун // Раз, два, три; // Это верно – ты (Там же); В этой маленькой корзинке // Есть помада и духи, // Ленты, кружево, ботинки – // Что угодно для души (Там же) и мн. др.

¹² – Уточка моховая,
Где ты ночесь ночевала?
– Под кустом на болоте,
Под мостом на калине.
Ехались (?) веселые,
Сделали по гудочку.
Вы гудки, не гудите,
Милого сына не будите.
Милый сын за рекою
Пьёт вино зелёное
Из чарочки золотая,
Из ковшичка серебряна (НМ РК. КП 12484. Л. 137).

заклички: Дождь, дожди, трава, рости, на дедову пшеницу, на бабкин лён поливай весь день (НМ РК. КП 12481. Л. 73); Божья коровка, завтра солнце или дождь (Там же).

молчанки: Давайте, ребята, в молчанки играть. Сорок амбаров сухих тараканов, сорок кадушек моченых лягушек, сорок собачьих хвостов. Шла баба из богатого дома, несла бочку гноя, кто слово смолвит, тот всё и съест (НМ РК. КП 12481. Л. 74).

Жили-были старик со старухой, накопили гнилой картошки четверик с восьмухой, кто слово смолвит, тот всё и съест (НМ РК. КП 12481. Л. 74).

сечки: Секи, секи надцать, // Высеки пятнадцать, // Будь моя правда // Пятнадцать и есть (НМ РК. КП 12481. Л. 631); Ехал саван мимо саду, // Рассказал и написал: // Двадцать три, // Двадцать три¹³ (Там же).

Записано 46 текстов загадок о сельскохозяйственных орудиях труда, предметах домашнего быта, пище, человеку и частях человеческого тела, домашних животных, явлениях природы, внутреннем убранстве дома. Преобладают загадки, к большинству из которых обнаруживаются варианты в известных опубликованных сборниках текстов, например, о ласточке: «Впереди шильце, сзади вильце, сбоку синенькое суконце, на груди белое полотенце» (НМ РК. КП 12481. Л. 66; вар.: «Шитовяло, битовило, по-немецки говорило, спереди – шильце, сзади – вильце, сверху синенько суконце, с исподу бело полотенце»¹⁴), о раскаленной сковороде, которую смазывают маслом: «Серый кот Акулину трет, Акулина хохочет, еще того хочет» (НМ РК. КП 12484. Л. 134об.; вар.: «Черный кот // Феклу трет; // Фекла дурит: // Поприбавить велит»¹⁵) и мн. др.

Довольно много примет, которые распределяются на следующие тематические группы:

– метеорологические. Например, перед дождем: собака ест траву (перед пургой – снег), молоко пенится, соль сыреет, рыба в воде скачет, вороны каркают, у кошки глаза становятся мутными (также и перед пургой), курица в песке валяется, дым расстилается. Раннюю весну прогнозировали по дню Евдокии (1 марта

¹³ Вариант к последней записи см.: «Ехал Савва мимо сала...» [Мартынова 1997: 390, № 1556].

¹⁴ Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. Санкт-Петербург: Тип. Н.А. Лебедева, 1876. С. 195, № 1586, зап. в Воронежской губ.

¹⁵ Там же. С. 45, № 361а, зап. в Вологодской губ.

ст. ст., 13 марта н. ст.): если в этот день была оттепель («набежит вода петуху напиться», НМ РК. КП 12484. Л. 122), то весна будет ранняя; о затяжной весне судили по длинным сосулькам на крышах. Наступление морозного или ясного дня узнавали по повадкам животных или птиц (перед морозом кошка идет на печь; если гуси летят высоко, то холодная погода будет стоять еще долго; ясный день предсказывало кукование кукушки на закате накануне) и по качеству предметов (уголь твердый – к морозу) и др.;

– урожайный (хороший) / неурожайный (плохой) год. Большинство примет, предсказывающих урожайный год, строится на множественности: много майских жуков или звезд на небе в Крещение предвещало хороший урожай. Ясное небо на Новый год свидетельствовало о большом урожае морошки, пасмурное – черники и урожайном годе вообще. О будущем урожае, наступающей войне судили по поведению животных: «К не сенному году овцы родят баранов» (НМ РК. КП 12484. Л. 122 об.), «Если корова идет из лесу и во рту трава, то год будет не сенной» (Там же), «Белки бегают в селе – тот год будет плохой, зяблый, и предвещает войну» (НМ РК. КП 12484. Л. 122) и др.;

– физиономические. По некоторым приметам определяли характер человека: у вороватого человека кривой мизинец, хитрый человек тихо говорит и смеется, у плаксивого ребенка стоячие уши. Лоб чешется – здороваться с кем-нибудь, верхняя губа – вкусно поесть в гостях и др.;

– предсказывающие смерть: ребенок, у которого тело «склизкое», рано умрет (в ркп. «неживущий», НМ РК. КП 12484. Л. 122); ребенок играет ручейками к скорой смерти. Появление покойного в доме предвещали прилетевшая к окну птица, горящие в закрытой печи угли, чешущаяся ступня, открытые или неплотно закрытые глаза у покойного. Человек, спящий на животе, может утонуть и др.;

– предсказывающие замужество, счастливую/несчастливую семейную жизнь, характер будущего мужа: «если у девушки потеет под пазухой, то муж будет пьяница» (НМ РК. КП 12484. Л. 123 об.); чисто метет избу – жених будет красивый; появление крестика на ладони у девушки связывали со скорым замужеством. Несчастливую семейную жизнь предсказывало пролившееся из чана на свадьбе пиво (жена убежит), неудачный первый брак предвещал и повторную неудачную женитьбу и др.

– приметы, связанные с родильной обрядностью: если у беременной женщины изжога, то ребенок родится волосатый, если острый и узкий живот или чешется кончик носа, то родится мальчик.

– животноводческие: хорошая густая сметана будет у коровы с толстым хвостом, напротив, длинный тонкий хвост свидетельствует о том, что корова молочная. «Если лошадь во дворе стоит задом к дверям, то домовая её любит, а если наоборот, то значит, не любит» (НМ РК. КП 12481. Л. 157).

– промысловые (рыболовные и охотничьи). По первым встречным при отправлении на рыбалку судили об улове: встретившиеся мужчина или собака, женщина с полными водой ведрами – к хорошему улову, женщина или кошка, женщина с пустыми ведрами – к отсутствию улова. Рыба лучше ловится перед грозой, на восходе и на закате солнца. Лед на реке пойдет в среду или в пятницу – к рыболовному году. Если на охоте не убил первую попавшуюся дичь, то охота будет неудачной.

– удачная/неудачная дорога, счастье/несчастье в дороге: нельзя возвращаться, если куда-то пойдешь, поскольку «пути не будет»; после отъезда в дальнюю дорогу оставшимся домочадцам нельзя подметать дом; перебежавшие дорогу заяц или мышь отнимают счастье. У идущих рядом двух человек счастье может отнять третий, прошедший между ними.

В числе малых жанров записаны пословицы, поговорки, приговоры, прибаутки.

Несколько любопытных свидетельств связано со строительной обрядностью. Так, после установки матицы один из плотников, взяв хлеб, соль и петуха, поднимался наверх и проходил по матице, при этом произносили ритуальный диалог. На вопрос оставшихся внизу «Кто там ходит?» плотник отвечал: «Исус Христос ходит с хлебом, с солью, с красным петухом» (НМ РК. КП 12484. Л. 129). Петух, икона, квашня, хлеб, соль использовались при переходе в новый дом; считалось, что петух полетит к неудачной жизни, будет ходить – к хорошей жизни в новом доме:

Когда приходят жить в новый дом, идут туда с иконой, квашней, с хлебом и петухом. Впереди несут петуха и его пускают в дом, в комнату и смотрят: если он полетит, значит житье будет плохое, а если будет ходит[ь], то хорошее. Потом заносят квашню и хлеб с солью, пьют чай и после этого ложатся спать, но до этого в комнате разбрасывают сено. В особенности охотно идут туда спать девушки, ложась спать, они приговаривают: «На новом месте покажись жених невесте». Какого парня девушка увидит во сне, тот и будет ее мужем» (НМ РК. КП 12484. Л. 129 об.). Традиционен запрет входить в новый дом с пустыми руками, нужно занести полено, деньги или «что-нибудь, чтобы росло хозяйство» (НМ РК. КП 12481. Л. 65, 627).

Отметим единичные примеры прозвищного фольклора¹⁶: в рукописных материалах 1930-х гг. зафиксированы коллективные номинации жителей с. Серегово (сереговские ве́ди) и с. Усть-Вымь¹⁷ (усть-вымский камлот) (НМ РК. КП 12481. Л. 473), которые в современных полевых записях получают весьма любопытную, но полагаем, не в полной мере отражающую реальную ситуацию возникновения номинаций интерпретацию:

[Усть-вымцев вы как называли?] Усть-вымских [жителей называли] камалоты. Кто как называл – камлоты, камалоты, камелоты. [А почему так?] Это, я вот считаю, что это началось с Великой, Великой французской буржуазной революции 1789 года. Там вот во Франции того времени дворяне-то носили штаны, которые длиной были чуточку ниже колен, только колени закрывали и все, это даже есть на рисунках [в учебниках] истории. И вот их называли у нас – дворяне, у них – камлоты, камалоты. [А Усть-Вымь-то причем?] А причем, я уже не знаю как. Но можно предполагать, усть-вымские называли сереговских ве́дями, а сереговские усть-вымских стали называть камалотами. Историю изучали, наверно, те и другие. У всех и все было в прозвищах (Зап. С.Г. Низовцева, Ю.А. Крашенинникова, 11.06.2014 в с. Серегово от Е.С. Макарова, 1931 г. р., ур. с. Серегово).

Коллективная характеристика жителей Усть-Выми в отличие от более прозрачной по смыслу номинации сереговцев, в основе которой лежит значение 'ведать, знать, иметь сведения' (см., например, в словаре Даля¹⁸), вызывает вопросы. В словарях слово *камлот* имеет значение 'суровая, грубая, плотная шерстяная или полушерстяная ткань', например, «грубая шерстяная ткань диагонального переплетения. Использовалась для пошива верхней одежды в *небогатых слоях населения*» [Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 205] (выделено нами. – Ю. К.). Полагаем, что именно

¹⁶ Прозвищный фольклор в записях 2014 г. представлен главным образом личными прозвищами, например: Кесаре́вы – от имени предка Кесарь, По́лины – от Полины, Орины – от имени Ор, Конюховы – предок был конюхом и др., а также коллективными прозвищами: жителей с. Ляли называли ляльский туес, уроженцев Архангельска – трескоеды, жителей д. Гам – гамские вороны, кварканы, жителей с. Серегово – сереговские ве́ди, жителей с. Усть-Вымь – усть-вымский кашелот/камелот.

¹⁷ Сереговогорская и Сереговская волости в 1920–1930-е гг. относились к Усть-Вымскому району Коми автономной области.

¹⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А–З. М.: Терра, 1995. С. 329–330.

оно закрепились в номинации в качестве отличительного признака, указывая на качество, пошив одежды и имплицитно передавая представления о социальном положении и достатке жителей Усть-Выми и населения с. Серегово.

Таким образом, фольклорные материалы, записанные в 1930-е гг. в с. Серегово и хранящиеся в фондах Национального музея Республики Коми, могут использоваться для уточнения местного фольклорного репертуара, анализа состояния локальной традиции конца XIX – первой трети XX в. и динамики ее развития.

Работа подготовлена в рамках проекта № 18-6-6-25 Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН.

The research is conducted under the project № 18-6-6-25 of the Program of Fundamental Research of the Ural Branch of the RAS.

Сокращения

НА Коми НИЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН

НМ РК – Национальный музей Республики Коми, фольклорное собрание

РФ – рукописный фонд

СУС – Сравнительный указатель сюжетов¹⁹

Литература

Байбурин, Беловинский, Конт 2004 – *Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф.* Полузабытые слова и значения. Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом; М.: Знак, 2004.

Бандура С.В., Крашенинникова Ю.А. 2011 – *Бандура С.В., Крашенинникова Ю.А.* Культурное наследие Нювчима: из опыта презентации музейной коллекции через фольклорный текст // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период. Сб. научных статей / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 121–130.

¹⁹ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л.: Наука, 1979.

- Власов, Канева 2006 – *Власов А.Н., Канева Т.С.* К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского северо-востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения: Сб. научных трудов. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2006. С. 16–39.
- Крашенинникова 2016 – *Крашенинникова Ю.А.* Собрание фольклорных материалов в фондах Национального музея Республики Коми: итоги и перспективы работы с коллекцией. Фольклористика Коми: исследования и материалы. Сб. статей. SATOR: Эстонский литературный музей / Ред. Л. Лобанова, Н. Кузнецов. Тарту: Научное издание ЭЛМ, 2016. С. 145–164. Режим доступа: <http://www.folklore.ee/rl/pubte/ee/sator/sator17/> (дата обращения: 02.02.2019).
- Мартынова 1997 – Детский поэтический фольклор. Антология / Сост. А.Н. Мартынова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
- Новицкая, Райкова 2002 – Детский фольклор / Сост. М.Ю. Новицкая, И.Н. Райкова. М.: Русская книга, 2002.

References

- Baiburin A., Belovinskii L., Kont F. (2004) *Poluzabytye slova i znacheniiia. Slovar' russkoi kul'tury XVIII–XIX vv.* [Half-forgotten names and meanings. A dictionary of Russian culture of the 18th – 19th centuries]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom; Moscow: Znak. (In Russian).
- Bandura S. V., Krashennnikova Iu. A. (2011) Kul'turnoe nasledie Niuvchima: iz opyta prezentatsii muzeinoi kollektzii cherez fol'klornyi tekst [Nyuvchim cultural heritage: on an experience of presenting a museum collection via a folklore text]. V. E. Dobrovol'skaia, A. B. Ippolitova (eds.) *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir* [Traditional Slavic culture and the modern world]. Vyp. 14. Kompleksnye issledovaniia traditsionnoi kul'tury v postsovet'skii period. Sb. nauchnykh statei [Issue 14. Complex studies in traditional culture in the post-Soviet era. A collection of research papers]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora: 121–130. (In Russian).
- Vlasov A. N., Kaneva T. S. (2006) K probleme fenomenologii lokal'nykh traditsii (po rezul'tatam issledovaniia fol'klornoi kul'tury Evropeiskogo severo-vostoka Rossii) [Concerning the issue of phenomenology of local traditions (after the research upon folk culture of European North-Eastern Russia)]. *Narodnaia kul'tura Evropeiskogo Severa Rossii: regional'nye aspekty izucheniiia*. Sb. nauchnykh trudov [Folk culture of European North Russia: regional aspects of research. A collection of research works]. Syktyvkar: Syktyvkar'skii gos. universitet: 16–39. (In Russian).

- Krashennnikova Iu. A. (2016) *Sobranie fol'klornykh materialov v fondakh Natsional'nogo muzeia Respubliki Komi: itogi i perspektivy raboty s kollektsiei* [A collection of folklore material in the National Museum of Komi Republic: the results and perspectives of working with the collection]. L. Lobanova, N. Kuznetsov (eds.) *Fol'kloristika Komi: issledovaniia i materialy*. Sb. Statei [Folklore studies of Komi: research and materials. A collection of papers]. SATOR: Estonskii literaturnyi muzei. Tartu: Nauchnoe izdanie ELM: 145–164. Retrieved from <http://www.folklore.ee/rl/pubte/ee/sator/sator17/>. (In Russian).
- Martynova A. N. (ed.) (1997) *Detskii poeticheskii fol'klor. Antologiia* [Children's poetic folklore. An anthology]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Novitskaia M. Iu., Raikova I. N. (eds.) (2002) *Detskii fol'klor* [Children's folklore]. Moscow: Russkaia kniga.

Информация об авторе

Юлия Андреевна Крашенинникова, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории, Коми научный центр Уральского отделения РАН; 167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; krashennnikova@rambler.ru

Information about the author

Yulia A. Krashennnikova, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics, Literature and History of Komi Research Centre of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences; bld. 26, Kommunisticheskaya, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; krashennnikova@rambler.ru